

Ишкильдина Л.К. ©

Канд. филол. наук, Институт истории, языка и литературы
Уфимского научного центра РАН

ПРОБЛЕМА ИНИЦИАЛЬНОГО *J*- В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Аннотация

*В данной статье анализируется проблема генезиса анлаутного *j*- в тюркских языках на примере диалектов башкирского языка.*

Ключевые слова: башкирский язык, диалект, анлаутный, аффриката, соответствие.

Keywords: Bashkir language, dialect, Anlaut, affricate, correspondence.

Анлаутный *j*- фиксируется в самых ранних на сегодняшний день орхоно-енисейских тюркских рунических памятниках. Однако из-за различий в отражении древнетюркского сонорного *j*- в тюркских языках в тюркологии существуют сторонники двух точек зрения: одни возводят древнетюркский *j*- к пратюркскому состоянию (В.А. Богородицкий, Н.З. Гаджиева, В.В. Радлов, Б.А. Серебренников, Э.Р. Тенишев и др.), другие (Г.И. Рамstedт, М. Ряснен, С.Е. Малов, А.М. Щербак, Н.А. Баскаков, Н.Н. Поппе, К.Г. Менгес, Г. Дерфер и др.) – отрицают.

Жекающий и йокающий характер тюркских языков был отмечен еще Махмудом Кашгари. В своем словаре “Дивани лугат ат-турк” (XI в.) средневековый автор указывает на то, что одной из специфических особенностей огузских, а также кыпчакских племен, в отличие от остальных тюркских племен того времени, является факт замещения в произношении анлаутного «й» на алиф ´ или «ж» [8, 69].

Утверждение о том, что первоначальным был **j*, впервые было высказано В.В. Радловым (“Сравнительная грамматика северных тюркских языков”. Т 1, Фонетика. – Лейпциг, 1882-1883). Он представил основные направления изменений **j*- в тюркских языках. Последователи В.В. Радлова считают: “В действительности аффриката *ǰ* (дж) не может утрачиваться перед узкими гласными, так как для этого нет необходимых фонетических условий. Утрачивался здесь фактически начальный *j* перед узкими гласными типа *ы*, *и*, *у*. Это можно проследить на материале азербайджанского языка: ср. аз. *ил* ‘год’ и тур. *йыл*; аз. *илан* ‘змея’ и тур. *йлан*; аз. *урәк* ‘сердце’ и тур. *јүрек*. Следовательно, кирг. *ыр* ‘песня’ возникло в ту эпоху, когда в языке еще существовал начальный *j*. Когда же позднее он стал превращаться в аффрикату *ǰ* (дж), то в ряде слов древний начальный *j* успел уже исчезнуть. Отсюда современное кирг. *ыр* ‘песня’, восходящие к *јыр*” [10, 52].

j- сохраняется в большинстве тюркских языков, включая древнетюркский (орхонский) и половецкий. Из видоизменений фонемы отметим индивидуально частичный переход (усиление) в шипящую звонкую аффрикату *ǰ* (дж) в киргизском и казанско-татарском (в сочетании со следующим палатальным гласным, а у кряшен и в других случаях, но в большинстве говоров – в мишарском и тептярском, как и в башкирском, видим сохранение первоначального *j*-), а в казахском из аффрикаты получился простой шипящий спираント *ж´* [2, 106]. Следует отметить, что В.А. Богородицкий здесь имеет в виду литературные языки, так как, например, в диалектной системе казахского языка “джоканье (*ǰ*) встречается в восточных и некоторых южных говорах” [9, 192].

Представители второго направления, исходя из алтайских соответствий, считают, что “в анлаутной позиции традиционно реконструируемый тюркский **j*- (но у А.М. Щербака **v*) соответствует пратюркскому **ǰ*, фонологическому варианту **ǰ´* для анлаута” [11, 25]. Они объясняют это отсутствием сонантного начала в абсолютном большинстве тюркских основ, и рассматривают переход пратюрк. **ǰ´*- в **j*- в кыпчакских, огузских языках, в узбекском и карлукском, а также и в языках центрально азиатских памятников как “ареальную инновацию” [11, 25]. Приходится, по-видимому, предполагать, что пратюркский **ǰ´*- фонетически и

функционально был весьма близок к *j*- (представляя собой, по-видимому, нечто вроде палатального взрывного, подобно горноалтайскому *ɖ*-), что в сибирских языках вполне наблюдается [5].

Как видим, представители первого и второго направления сходятся во мнении в одном: шипящая фрикативная *ж* является результатом деаффрикатизации *ǰ* (дж).

Однозначно, *j*- анлаут не мог дать такое многообразие рефлексов по тюркским языкам. Изначально в пратюркском существовал сложный согласный аффрикатного характера, как, считают сторонники второго направления (А.В. Дыбо, О.А. Мудрак и др.), типа **ǰ*- (дь), который дал различные переходы по тюркским языкам и их диалектам (*й*, *дж*, *дз*, *ч*, *с*, *с'*, *д* и т.д.). Основными рефлексами пратюркского **ǰ*- стали *j*- и *ǰ* (дж) > *ж*. По крайней мере следы последнего (пракыпчакской аффрикаты *ǰ*) сохраняются в говорах башкирского языка:

1) в одних случаях он теряет смычность (употребление фрикативного *ж*-): юж. диал. (лит.) [йер] 'земля' – среднеурал., кыз., арг., кубалаяк., сальют., миас., сев.-зап. диал. [жир]; юж. диал. (лит.) [йелек] 'спинной мозг' – дем., среднеурал., сев.-зап. диал. [жилек] – дем. [желек] – гайн. [жүлек / жөлөк]; др. гов. (лит.) [йекән] – арг., сальют., ай., среднеурал. [жикән]; др. гов. (лит.) [йайлау] 'замедлить' – сев.-зап. диал. [жайзау]; др. гов. (лит.) *йәй* 'лето' – сев.-вост., среднеурал. [жәй] и т.д. [7].

2) в других, в редких случаях, – щелевой компонент (употребление *д*-). Анлаутный «д» выступает большей частью в мягкорядных словоформах и включается в целый ряд соответствий по говорам *й* ~ *ж* ~ *з* ~ *д*. Например, др. гов. (лит.) [йеңгәсәй] 'солдатики' – иргиз., ик-сакмар. [дингәзә, дингәсәй, деңгәсәй] – сакмар., иргиз. [зингәсәй / зәңгәсәй] – дем. [йеңгәсәй / дингәзәй]; др. гов. (лит.) [йейәк] 'тесьма, лента' – сев.-зап. диал. [дөйәк]; др. гов. (лит.) [йекән] 'рогоз' – арг., сальют., ай., среднеурал. [жикән] – иргиз. [дикән] – гайн. [дикан]; др. гов. (лит.) [йемләү] 'сдобрить медовку (кислушку) сахарным песком' – сев.-зап. диал. [димләү / зимнәү] – дем. [йемнәү / димнәү / димләү / зимләү].

Если обратиться к письменным источникам, то как известно “в начале слова *j* встречается в большей части старотюркских языков (руническое койне, древнеуйгурский, караханидско-уйгурский, хорезмско-тюркский, чагатайский, тюрки, сельджукский, кыпчакский и куманский языки); начальный *дж* (ǰ) отмечается в языке болгарских надписей” [12, 176].

Башкировед Т.М. Гарипов по данному вопросу отмечает, что графема *дж* достаточно распространена в поволжском тюрки и встречается в отдельных словах на территории Башкирии и в текстах башкирских шежере XVI–XIX вв., а также в кыпчакизированных эпитафиях Татарии XV–XVII вв. [4, 150].

Для произведений XIII–XIV вв., написанных на тюрки Урало-Поволжья, было характерно употребление начальной графемы *й* вместо *дж*: *йакшы* 'хороший', *йаңы* 'новый', *йарлы* 'бедный', *йат*- 'ложиться' и др. [1, 29].

В крупном письменном памятнике “Кодекс куманикус” (XIII–XIV вв.), написанном на тюрки Урало-Поволжья, зафиксировано употребление анлаутного *й* вместо *дж*: *йакшы*, *йаңы*, *йарлы*, *йат*- и др. Вообще, тюрки Урало-Поволжья XIII–XIV вв. было характерно “йоканье” [1, 29, 32].

Р.Х. Халикова, исследовавшая язык башкирских шежере и актовых документов XVIII–XIX вв., по данной проблеме отметила: “Буква *дж* встречается, как правило, в начале и середине исконных тюркских и заимствованных слов. Употребляется она в словах с гласными переднего и заднего ряда: *джир* 'земля, земельный', *джит*- 'достигать', *джый*- 'собирать', *джәй* 'лето', *джәнлек* 'зверь' <...>” [13, 29]. Автор также сообщает о встречаемости графемы *ж* лишь в заимствованиях, а также колебании *й* и *ж* в начале собственно башкирских слов. Это явление сохраняют говоры северо-западного и восточного диалектов.

В словаре Мендияра Бекчурина “Перевод слов на башкирский язык”, датированном 80-ми годами XVIII в., фиксируются варианты слов: *йалкаулык* – *джалкаулык* 'лень', *йүрәк* – *джүрәк* 'сердце', *йакшы* – *джахшы* 'хорошо', *йығыл* – *джығыл* 'падай, упади'. Наличие этих вариантов можно объяснить двумя причинами, не исключаящими одна другую: в них, вероятно, отразились перебои в употреблении названных звуков в речи одного и того же лица или

записывались факты регионального характера [6, 70, 71]. А вот в другом памятнике XVIII в. “Письме Батырши”, наоборот, четко прослеживается тенденция “йоканья” [14, 121-138].

И.Г. Галяутдинов, анализируя произведение начала XIX в. “Тарих нама-и Булгар” Т. Ялсыгулова, пишет, что “ж – [дж] в тюркских словах встречается очень редко, часто употребляется в арабских и персидских словах: *джанк* ‘война’, ‘сражение’; *джаһилийат* ‘язычество’; *бадж* ‘пошлина’, ‘налог’ [3, 71].

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что с конца XVIII века аффриката *дж* в письменной традиции начинает вытесняться в пользу [ж] и [й]. В живой речи башкир *жс* представляет собой спирализованную вариацию аффрикаты *дж*, который, видимо, является архаизмом по отношению к «й». Жеканье сохраняется в периферийных областях башкирских говоров.

Литература

1. Башкорт эзэби теле тарихы. – Өфө: Китап, 1993. – 320 б.
2. Богородицкий В.А. Введение в татарское языкознание. – Казань: Татгосиздат, 1953. – 220 с.
3. Галяутдинов И.Г. “Тарих нама-и булгар” Тажетдина Ялсыгулова. (Лингвотекстологический анализ списков памятника. Грамматический очерк, лексика, сводный текст и перевод). – Уфа: Китап, 1998. – 272 с.
4. Гарипов Т.М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья. Опыт синхронической и диахронической характеристики. – М.: Наука, 1979. – 303 с.
5. Дыбо А.В. Некоторые проблемы сравнительно-исторической фонетики башкирского языка (рукопись). – М., 2012. 8 с.
6. Ишбердин Э.Ф. Рукописные и печатные словари XVIII-XIX вв. как источник изучения истории башкирского языка // Письменные памятники Башкирии (Историко-филологические исследования). – Уфа, 1982. – С. 69-82.
7. Ишкильдина Л.К. – “Жоканья” как специфика и этап формирования северо-западного диалекта башкирского языка // Городские башкиры: проблемы языка и демографии / Материалы VI Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной III Всемирному курултаю башкир. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010. – С. 144-147.
8. Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк / Перевод, предисловие и комментарии З.-А. М. Ауэзовой. Индексы составлены Р. Эрмесом. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 1288 с.
9. Сарыбаев Ш.Ш. – Диалекты казахского языка // Диалекты тюркских языков: очерки / Ин-т языкознания РАН. – М.: Вост. лит., 2010. – С. 177-204.
10. Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – М.: Наука, 1986. – 302 с.
11. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / под ред. Э.Р. Тенишева и А.В. Дыбо. – М., Наука, 2006. – 908 с.
12. Тенишев Э.Р. – Тюркоязычных письменных памятников языка // Избранные труды.- Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. – С. 169-183.
13. Халикова Р.Х. Язык башкирских шежере и актов документов XVIII-XIX вв.– М.: Наука, 1990. – 198 с.
14. Хусаинов Г.Б. – Письмо Батырши как памятник письменного языка // Археография и источниковедение истории литературы на Южном Урале. – Уфа, 1979. – С. 121-138.